

ЗНАМЯ

На первый взгляд это были самые обыкновенные дети. Они точно так же, как и другие ребяташки, играли, качались на качелях, бегали, прыгали, баловались. Однако временами начинали вести себя не так, как должны вести себя обычные дети. Начать хотя бы с того, что они старались держаться поближе друг к другу. Но дело не в этом — мало ли как бывает? Может, жили в одном дворе и, попав в незнакомое место, старались быть друг к другу поближе.

Необычным было то, что они иногда замирали на месте и начинали прислушиваться, тревожно озираясь по сторонам. И если, не дай Бог, в это время где-то раздавался громкий звук, не важно какого происхождения, они как по команде срывались с места и бежали к подвалу.

Поначалу, когда дверь в подвал была закрыта и дети не могли в него попасть, у них начиналась истерика. Так продолжалось до тех пор, пока я не распорядился оставлять дверь в подвал открытой.

Этих детей в наш детский дом привезли месяц назад из разрушенного войной Мариуполя. Они были круглыми сиротами. Потеряли родителей.

Они привыкли бояться. Их мозг, манипулируя страхом, помогал им выживать там, где даже взрослому человеку приходилось туго. И чтобы рассудок оставался нормальным, природа предусмотрительно приглушила боль от потери родных людей, загнав осознание этого на задворки разума.

Некоторые из них вообще без взрослых неизвестно как выжили в подвалах разрушенного города. Поначалу их расселили в разных группах, поделённых на семьи, но ничего не вышло. Каким-то непостижимым образом вновь прибывшие в течение двух дней вычислили друг друга и стали держаться вместе.

Я точно знал, что большинство из них раньше друг с другом даже не были знакомы. Из двенадцати детей только трое знали друг друга — их обнаружили в одном из подвалов дома, где они прятались, питаясь чипсами и сухариками, которые набрали в разрушенном неподалёку магазине.

На ночь дети собирались в одной из семей и наотрез отказывались расходиться. После этого мне пришлось выделить для них отдельное помещение и создать семью, состоящую только из этих ребятишек. Но самым кошмарным было то, что на ночь они забирались спать под кровати.

Никакие уговоры не действовали, ничего не помогало. Наши психологи с ног сбились, пытаясь найти к ним подход. У меня уже стали появляться мысли, чтобы поселить их в подвале...

В дверь кабинета постучали.

— Войдите! — откликнулся я и негромко добавил: — Не заперто.

— Здравствуйте, Алексей Николаевич! — впорхнула в кабинет старший воспитатель Вера Андреевна, или Верочка, как за глаза называли её воспитанники детского дома. — Алексей Николаевич, баба Надя... простите, Надежда Ефимовна, — смущённо поправилась она, — просит, чтобы мы сегодня разрешили ей, перед тем как укладывать детей спать, поговорить с мариупольской группой...

— Присаживайтесь, Вера Андреевна, — кивнул я на стоящий возле стола стул, дождался, когда воспитательница устроится, и спросил: — И о чём же она собирается с детьми говорить?

— Я не знаю. Она не сказала, — растерянно пожалла плечами Верочка. — Она давно работает. Может, у неё получится как-то повлиять на них?..

Это правда. Надежда Ефимовна работает воспитателем давно. Можно сказать, с детства! Она всегда работала с детьми, другой профессии у неё нет. Недавно ей исполнилось семьдесят пять лет. Однажды, когда её в шутку спросили, не собирается ли она оставить свою хлопотную работу, она ответила, что ещё слишком молода, чтобы отдыхать на пенсии.

— Ну что же, пускай попробует, — согласился я, — плохого точно не расскажет.

— Так, хорошие мои! — раздался из-за двери негромкий голос бабы Нади. — Давайте-ка все напротив меня устраивайтесь, пока время есть, я вам хочу одну историю рассказать.

Я воровато осмотрелся и, поняв, что в коридоре никого нет, наклонился ухом поближе к двери.

За дверью раздался галдёж, и закрипели кровати.

— Ну вот, вижу, разместились, — довольно проговорила баба Надя, и вдруг со смешинкой в голосе добавила: — Осталось только нашего уважаемого директора, позвать, который стоит за дверью! Надеюсь, вы не будете против, если он вместе с вами послушает?

Чертыхнувшись про себя, я толкнул дверь и вошёл в комнату.

Как и ожидалось, все дети разместились на нескольких кроватях и с плохо скрываемым нетерпением смотрели на меня. Мол, припёрся тут! Слушать мешает!

Ни слова не говоря, я уселся за спиной у воспитательницы на свободную кровать и осмотрелся. Перед бабой Надей разместились все дети, кроме одного —

девятилетнего Стёпки, который, насупившись, скрестив руки на груди, сидел на своей кровати отдельно от остальных детей.

Этот был самый проблемный. Складывалось впечатление, что он совершенно одичал в развалинах и жил какой-то своей жестокой жизнью. Он никому не давал прохода. Задибался со всеми, даже с мальчишками, которые были старше его и явно сильнее. Но больше всего почему-то доставалось тем, кто, как и он, прибыл из Мариуполя. Ему неоднократно предлагалось перейти жить в другую семью, но он категорически от этого отказывался.

— Я не знаю, правда это или нет, — между тем начала баба Надя, — было это на самом деле или придумал кто, но говорят, что произошло это в вашем городе...

Баба Надя задумалась и погладила лежащий на её коленях свёрток.

— А чего произошло-то? — спросила сидевшая ближе всех к воспитательнице светловолосая девочка, которую все звали Светиком.

— Чего, чего... — ехидно передразнил девочку Стёпка. — А то ты не знаешь! Война началась с нациками! Вот что случилось!..

Баба Надя вздохнула:

— Да, дружок, началась война с ними. И стали эти злыдни битву проигрывать. Начали волтузить их так, что только пух и перья полетели. Когда же стало ясно, что не видать им победы, решили они сгубить тех, кто прятался от них в подвале одного из домов. Собрались они всем своим отрядом и зашли в этот подвал...

Баба Надя помолчала немного, горестно качая головой, а потом тяжело вздохнула.

— Много людей в подвале том от них пряталось. И женщины там были, и старики, и деток малых много было. Увидел это самый главный нацик, обрадовался. Некому было заступиться за людей. Безнаказанно можно своё чёрное дело совершить. Приказал он своим солдатам, убить всех, кто находился в подвале. Но не успели они! Только подняли

своё оружие, как вдруг встала перед ними старая женщина и развернула в руках полотно...

Баба Надя замолчала и опять погладила лежащий на коленях свёрток.

В комнате стояла тишина. Дети, открыв рты, замерли на кроватях, уставившись широко открытыми глазами на воспитательницу.

Молчание затягивалось. Первым не выдержал Стёпка.

— Они же их не убили? — хрипло спросил он, потом откашлялся и повторил: — Не убили ведь?.. Правда?!

Баба Надя, как будто не слыша вопроса, продолжила:

— Увидели нацики полотно, и ужас охватил их. Закричали они от страха! И тогда их главный завопил: «Убейте её немедленно! Убейте их всех! Всех!.. Никого не щадить!..» И начали они стрелять!.. Но ничего у них не получалось. Не могли пули пробить полотно, которое держала перед ними женщина. Отскакивали пули от него и летели обратно, поражая самих нациков. Долго стреляли они. Уже целая гора из их тел лежала рядом с главарём. И тогда оставили силы старую женщину... Не удержала она полотно... Выпустила его из ослабевших рук...

— Ой!.. А они что, всё-таки смогли людей убить?! — прошептала Светик и закрыла рот ладошками.

— Нет, солнышко моё, — улыбнулась баба Надя и, наклонившись к девочке, погладила её по голове. — Не смогли они людей убить. Подхватил полотно мальчик, вот такой же, как ты! — кивнула она Стёпке. — И возраста такого же!.. Ты даже похож на него. Очень похож!.. Поднял! — повторила она, возвысив голос. — И закрыл людей! И опять закричали от страха злодеи, и начали стрелять пуще прежнего. И билось полотно в руках мальчика от попадающих в него пуль, вырывалось, но он держал его крепко. Понимал, что если не справится, выпустит его из рук, защитит людей больше будет некому. Из последних сил держал. Уже все злодеи полегли от собственных пуль. Остался только самый главный. Понял он, что не сможет пробиться к людям, и бросил в мальчика бомбу...

В спальне повисла напряжённая тишина. Казалось, что дети даже дышать перестали. Светик всхлипнула. Но баба Надя дело до слёз не довела.

— Не повезло главному нацику! Глупый он был и дурной! — вздохнула она. — Отскочила бомба от полотнища, как те пули, и угодила ему прямо в лоб!.. В общем, только мокрое место от него и осталось...

И тогда Светик засмеялась. Она смеялась так заразительно, что, глядя на неё, уже все дети покатывались, повалившись на кровати.

— Это неправда! — раздался вдруг Стёпкин голос. — Бомбы с самолётов бросают! Главарь, наверное, гранату бросил...

— Не знаю, хороший мой, может, и гранату, — грустно улыбнулась баба Надя, — не разбираюсь я в оружии. Ты лучше помоги вот это к стене спальни прикрепить, — и она, встав со стула, развернула перед собой красное полотнище, которое вытащила из пакета.

Я не удержался и подошёл поближе. Глядя на меня, воспитательницу обступили и другие дети.

Это было красное знамя! Обыкновенное знамя, в верхнем левом углу которого белой краской была нарисована звезда.

— А я знаю, что это! — сказал вдруг Стёпка и провёл рукой по красному полотну. — Это флаг!.. Красный флаг! Я такой на картинках видел.

— Это ведь из того подвала?.. Из того?.. Правда же?.. — прошептала Светик и тоже потрогала знамя рукой. — Это его пули пробить не могли?! А почему они его пробить не могли? А откуда оно у вас? А кто вам его дал?..

— Да, это оно, — засмеялась баба Надя. — А на другие вопросы я отвечу завтра, а сейчас время уже позднее, давайте-ка по своим местам! Укладываться пора.

Дети сами, во главе со Стёпкой, приколотили знамя кнопками к стене рядом с дверью и разошлись по своим койкам. Первый раз они ложились спать на кровати, а не забивались под них, стараясь спрятаться от страшного мира.

На город опустилась ночь и, как губка впитав в себя резкие звуки города, вывалила на него полчища мотыльков и другой ночной живности.

Я сидел на крыльце, слушал ошалелый треск сверчков и улыбался, представив удивление Верочки, когда она завтра утром придёт проверить, всё ли в мариупольской семье в порядке. Дети спали. Спали каждый в своей кровати.

Всё оказалось просто. Им нужна была защита, и баба Надя дала им эту защиту. Защиту, которая не только отражала нападение, но и могла уничтожить самую опасность.

Конечно, дети понимали, что простая ткань не может удержать пулю. Но для них это знание не являлось определяющим. Всю свою сознательную жизнь они хотели жить в безопасности, и как только им предложили её символ, они приняли его сразу же, безоговорочно. Ухватились за него как за спасательный круг.

И, кроме того, баба Надя, словно подсмеиваясь над нашими специальными познаниями в области детской психологии, несколькими словами из ощетинившегося зверька сотворила защитника.

Я почему-то был уверен в том, что Стёпка никогда больше не будет обижать других детей. Не сможет! Он ведь так похож на того мальчика, стоявшего под пулями со знаменем в руках.

Несложно было догадаться, о чём баба Надя завтра будет рассказывать детям — о великой стране, одержавшей победу в грандиозной битве с чёрной силой. И о красном знамени, водружённом над логовом побеждённого зверя! Знамени, которое по прошествии стольких лет продолжает оберегать людей от зла.